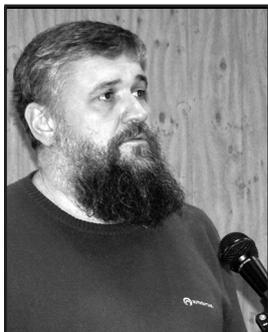

НАСЛЕДНИКИ ПРАОТЦА ИЗМАИЛА И БИБЛЕЙСКАЯ МОЗАИКА В
ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЯХ О ПОЛОВЦАХ

Очевидно, что ключевую роль в развитии «библейской этнографии» в летописи сыграл факт осознания древнерусскими книжниками себя и своих единоплеменников новым богоизбранным народом — в ряду с другими христианскими народами [Дмитриев, с. 182–187; Мюллер, с. 221–223; Петрухин, с. 67, 330; Успенский, с. 48–50, 88–91]. Такое восприятие последователей Христа в качестве преемников ветхозаветного Израиля было присуще всей христианской традиции и прямо восходило к Новому Завету: «Нѣс(ть) иудѣи, ни еллинѣ же... Аще же вы Х(ри)с(то)ви, оубо Авраамле сѣмя есте, а по обѣщан(и)ю наслѣдници»¹ (Гал 3: 28–29).

Мотив избранничества настойчиво звучит уже в памятниках середины XI — начала XII в. Так, митрополит Иларион, рассуждая о том, что не принявшие Христа (и потому потерявшие свое сыновство) иудеи были «расточени по странам», а христиане сделались «наслѣдници... Б(ог)у и О(т)цоу», относит к числу последних и христиан «языка рускааго», зовущихся отныне «людие Б(о)жии». В этой связи он цитирует пророка Осию: «гл(аголе)ть Г(оспод)ь... реку не людемь Моимъ: “людие Мои вы”, и ти Ми рекуть: “Г(оспод)ь Б(ог)ъ нашъ еси Ты”» (Ос 2: 23)². В другом месте, обращаясь к Богу, митрополит восклицает: «...Ты еси Бог нашъ, и мы людие Твои, Твоя чясть, Твое достояние!»³ (ср.: Пс 78: 13). В летописном рассказе о крещении Руси, который, судя по Новгородской первой летописи (далее — НЛ), читался уже в Начальном своде, пришедшие к истинной вере русские названы «новии людие... избрании Богомъ»⁴. Под 6601 г. в Повести временных лет (далее — ПВЛ) встречается и такое рассуждение летописца: «Кого... тако Б(ог)ъ любить, якоже ны възлюбиль есть? Кого тако почель есть, якоже ны прославиль есть и възнесль? Никого же!»⁵. Подобные определения и восклицания продолжают появляться и позднее и не только в летописи. В Каноне на усение княгини Ольги, приписываемом Кириллу Туровскому [Творогов, с. 219; Подскальски, с. 382], и в Слове выдубицкогo игумена Моисея, читающемся в Ипатьевской летописи (далее — ИЛ) под 6708 г., русские уже прямо наречены «новым Израилем»⁶, а в Житии св. Авраамия Смоленского (XIII в.) — «избранным стадом»⁷.

Признание «языка рускааго» новым богоизбранным народом открывало путь для соотнесения собственной истории с историей «старого» народа Божьего — ветхозаветного Израиля. Уже с XI в. книжники начинают сопоставлять прошлое и настоящее Руси с некоторыми сценами и пророчествами из Библии. К примеру, в ПВЛ под 6601 г. один летописец принимает на счет русских отдельные предостережения, данные Богом Моисею и его народу на горе Синай⁸, а

¹ Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М., 2001. С. 333.

² Аментьев К. К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского: Древнейшая версия по списку ГИМ. Син. 591 // Византиновостки. СПб., 2005. Т. 3. С. 127, 136, 138.

³ БДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 54, 56.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 159; ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 121.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 225.

⁶ Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 90; ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 714.

⁷ БДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 60.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222–223 («Падете пред врагы вашими... пойду к вамъ яростью лукавою» — ср.: Лев 26: 17, 19–20, 28, 33).

под 6618 г. другой причастный к летописанию книжник⁹ видит в явлении ангелов, помогающих русским против половцев, своего рода осуществление обещания, которое Бог ниспослал тому же Моисею на пути в землю обетованную¹⁰. Спустя столетие еще один летописец, труд которого отразился в Лаврентьевской летописи (далее — ЛЛ) под 6711 г., засвидетельствовал: то, о чем пророчествовал царь Давид в 78-м псалме, говоря о грядущем разорении Иерусалима, «стася (случилось. — А. Л.) над Киевом», когда город был разгромлен князем Рюриком Ростиславичем с Ольговичами и «всею Половецкою землею»¹¹. Серапион Владимирский, рассуждая в XIII в. о причинах монгольских «ратей», отмечал, что так сбывается «о нас» древнее обетование Божье, данное Моисею и его народу, — карать мечом всех, кто притесняет вдов и сирот¹². Можно привести и другие примеры такого рода. Книжники не сомневались, что для вразумления и ободрения «своих людей», будь то древние евреи или «сыны русские», Бог использует сходные средства, а отдельные эпизоды из истории ветхозаветного народа даже могут прообразовывать какие-то события в истории Руси¹³. Показательно, что митрополит Иларион — вопреки не раз отмеченному в литературе «оптимистическому характеру» своей проповеди [Лихачев, с. 41] — опасается, что нечестие отдельных обитателей Руси в перспективе может привести народ к такой же катастрофе, какая в I в. постигла иудеев: «боимся, егда сътвориши на насъ, яко на Иеросалимъ, оставлешиимъ Тя и не ходившиимъ въ пути Твоа»¹⁴.

Такой подход позволял книжникам сделать и следующий, вполне ожидаемый шаг — распознать во врагах Руси исторических наследников (или даже прямых потомков) тех «языков», с которыми приходилось вести борьбу ветхозаветным евреям.

Напомним, что первая параллель такого рода читается уже во вводной части ПВЛ. Говоря об избавлении полян от власти хазар, летописец сравнивает первых с евреями, а вторых — с египтянами. Как египтяне вначале держали евреев в рабстве, а затем «погибоша... от Моисея», так и хазары «владеша, и послѣ же самѣм[и] владѣють»¹⁵. Под 6494 г. в «речи Философа» проведена параллель между мусульманами-булгарами и нечестивыми жителями ханаанских городов Содомы и Гоморры¹⁶, соседствовавших, как известно из Библии, с местностью, где обитал со своим семейством праотец Авраам. Эти параллели не получили в летописи дальнейшего развития, но они симптоматичны. Также симптоматичны и единичные (в тексте памятника) попытки установить прямое родство отдельных соседей Руси с нечестивыми народами Ветхого Завета и тем самым перенести на них негативные черты «прародителей» [Ведюшкина, с. 55—60]. В не раз привлекавшей внимание исследователей статье 6604 г. летописец утверждает, что болгары — это потомки Аммона (оспаривая при этом мнение своих оппонентов, утверждающих, что его потомками являются половцы), а загадочные «хвалиси»¹⁷ — потомки Моава. Аммон и Моав — сыновья Лота от совокупления с собственными дочерьми («тѣмъ же неч(и)сто есть племя ихъ», — замечает летописец)¹⁸, родоначальники враждебных иудеям народов аммонитян

⁹ Согласно гипотезе А. А. Гиппиуса, этим книжником был автор той редакции ПВЛ, которая возникла в 1117 г. и отразилась в ИЛ [Гиппиус 2008, с. 13—19].

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284 («якоже рече к Моисѣви: “се ангель Мои прѣдыпойдетъ предъ лицемъ Твоимъ”») — см.: Исх 23: 20).

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418.

¹² См.: БЛДР. Т. 5. С. 378 («Моисѣви что рече Богъ... погублю вы мечем» — см.: Исх 22: 23—24).

¹³ В этой связи В. Я. Петрухин выдвигает интересную (хотя и дискуссионную) гипотезу, что авторы ПВЛ искусственно создают параллелизм между историей Руси и узловыми эпизодами ветхозаветной истории, изложенными в Пятикнижии и некоторых других книгах Ветхого Завета [Петрухин, с. 66—69, 329—333; см. также: Ранчин, с. 96—97].

¹⁴ БЛДР. Т. 1. С. 54.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17.

¹⁶ Там же. Стб. 86.

¹⁷ В идентификации хвалисов исследователи расходятся; из последних работ на эту тему см.: [Карпов 1994].

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

и моавитян, часто упоминающихся в Библии. Впрочем, летописцы последующего времени, насколько позволяют судить сохранившиеся памятники, описывая борьбу русских с булгарами, оставили данное утверждение своего киевского коллеги «без последствий». Это относится и к летописцам Суздальской земли, которые изображали русско-булгарские столкновения с характерным для них религиозным пафосом, но при этом ни разу не упомянули «аммонитянское» происхождение обитателей Волжской Булгарии. Никакого отклика у книжников XII — первой трети XIII в. не вызвало и другое утверждение, содержащееся в статье 6604 г., — о том, что печенеги и торки, известные в прежние времена своей враждебностью Руси, являются потомками Измаила¹⁹, побочного сына Авраама от рабыни Агари.

На фоне этих разрозненных сравнений и отождествлений в домонгольское время выделяется единственный народ, к библейской генеалогии которого летописцы возвращались неоднократно. Речь идет о половцах, также относимых в летописи к семени Измаила. Впервые «сынами Измаиловыми» они названы в ПВЛ под 6601 г., и далее это наименование (с вариантами «измалтяне», «агаряне») встречается регулярно вплоть до появления монголов (под 6604 г. — в ПВЛ, 6686, 6691, 6704, 6709 г. — в ИЛ, 6731 г. — в ЛЛ, 6732 г. — в НЛ)²⁰. Под 6604 г. летописец специально подчеркивает, что, хотя сами измаильтяне называют себя «сарини», то есть выдают себя за потомков Сарры — законной жены Авраама, это не более чем самозванчество²¹. Под 6686 г. к характеристике половцев добавлено словосочетание «неч(и)стии ищадья»²², содержащее явный намек на незаконнорожденность Измаила, сына наложницы. Об их измаильтянском происхождении свидетельствуют и некоторые внелетописные источники изучаемого времени²³.

Какое содержание несло в себе это укоренившееся в летописании с 90-х годов XI в. представление о происхождении половцев?

Без сомнения, образ половцев-измаильтян не был семантически однослойным. Он связывал степняков с известными персонажами Ветхого Завета (Измаилом и его потомством), но одновременно и с теми «измаильтянскими» народами новозаветной эры, которые действовали на рубежах христианского мира, угрожая его безопасности и святыням (в том числе на границах Византии), и еще с теми эсхатологическими племенами «измаильтян», которые, согласно известным на Руси апокрифическим пророчествам, должны были явиться в преддверье конца света. Каждый из этих, тесно связанных между собой, смысловых компонентов обладал известной самостоятельностью и, очевидно, выполнял в создании образа кочевников свою функцию.

Первый, библейский, компонент нес в себе указание на изначальную отреченность Измаила, а также — в меньшей степени — на враждебность измаильтян избранному народу. Писание рассказывает, как еще до рождения сына Агарь получила обетование о том, что он не уживется с окружающими («руцѣ его на всѣхъ и руцѣ всѣхъ на немь»²⁴ — Быт 16: 12), как затем он был изгнан Авраамом в пустыню (Быт 21: 9–21), а после смерти отца в отличие от младшего брата Исаака не получил ни наследства, ни Божьего благословения (Быт 25: 5, 11). Двенадцать сыновей Измаила дали начало двенадцати племенам (Быт 25: 12–18; 1 Пар 1: 29–31), о судьбе которых Библия рассказывает крайне мало. Упоминаются измаильтянские купцы, торгующие с Египтом (именно им вероломные сыновья Иакова продали своего брата Иосифа — Быт 37: 25–28; 39: 1). Из рассказа о выделении части добычи Гедону после его победы над мадианитянами

¹⁹ Там же. Стб. 234.

²⁰ Там же. Стб. 223, 232, 234, 446; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612, 628, 700, 716; НЛ. С. 62.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234. История рождения Измаила от Агари описывается в ПВЛ выше, в «речи Философа» (Там же. Стб. 92–93).

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612.

²³ См., например, в Киево-Печерском патерике — БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 366, 434.

²⁴ РГБ. Ф. 304.1. № 1. Пятикнижие Моисеево, XIV в. Л. 14 об.

между прочим выясняется, что среди пленных были и измаильтяне (Суд 8: 24). Первая книга Паралипоменон — не самая популярная в христианской традиции — упоминает о столкновениях племен из Рувимова и Гадова колен с агарянами (1 Пар 5: 10, 19–22). Наконец, в 82-м псалме измаильтяне и агаряне называются в числе врагов народа Божьего и самого Бога: «се врази Твои въшюмѣша, ненавидящии Тебе въздвигоша главу, на люди Твоя лукавоваша волею и свѣщаша на с(вя)тыя Твоя... села идумѣиска, измаильтяне, моавъ и агаряне, геваль и амонъ, и амаликъ, иноплемьнници съ живущими в Т[и]рѣ... и асуръ с ними приде, быша в заступление с(ы)номъ Лотовомъ»²⁵ (Пс 82: 2–3, 7–9). В отличие от коллективных портретов многих других враждебных иудеям народов образ измаильтян (агарян) в Библии оказывается на деле довольно бледным, а их роль в истории избранного народа не выглядит сколько-нибудь существенной. Даже если предположить, что книжник, писавший об «измаильтянах»-половцах, удерживал в памяти все названные библейские чтения (что сомнительно), они давали ему немного материала для создаваемой им картины. Характерно, что из библейских текстов, прямо упоминающих Измаила и его потомков, при изображении русско-половецких отношений в ЛЛ, ИЛ и НЛ цитируется только 82-й псалом²⁶, а остальные библейские параллели (речь о которых пойдет ниже) восходят к иным эпизодам Священного Писания.

Оценивая, какой объем сведений об измаильтянах способна была дать Библия, следует принять во внимание и то, что некоторые ее выражения могли заронить мысль о принадлежности к роду Измаила мадианитян — народа, происходившего, согласно более распространенной точке зрения²⁷, не от Агари, а от другой наложницы Авраама — Хеттуры через ее сына Мадияна (1 Пар 1: 32). Такие двусмысленные фразы находятся в описаниях двух уже знакомых нам эпизодов — с продажей в рабство Иосифа, где вместе с измаильтянскими купцами упоминаются «мадиамляне» / «моужи мадинеи»²⁸ (Быт 37: 28), и с дележом имущества пленников-измаильтян после войны Гедеона с мадианитянами (Суд 8: 24). Именно это, ошибочное [Сахаров, с. 100], понимание генеалогии мадианитян было имплицитно присуще апокрифическому «Откровению» Псевдо-Мефодия Патарского, где побежденные Гедеоном племена востока именуются «сынами Измаиловыми»²⁹. Отразился данный взгляд как раз в той части памятника, которая была использована одним из авторов ПВЛ в знаменитом эсхатологическом рассуждении на тему половцев под 6604 г.³⁰ Причисление мадианитян к измаильтянам могло бы существенно обогатить негативный образ последних в Писании: мадианитяне год за годом устраивали набеги на землю евреев, держали их в сильном страхе, а в конце были разгромлены Гедеоном (Суд 6–7). Однако хотя «Откровение» и открывало отчетливую возможность для соотнесения половцев с мадианитянами, летописцы конца XI — первой трети XIII в. ни разу ею не воспользовались. Среди причин такой осмотрительности, возможно, сыграло свою роль то, что другие — наряду с «Откровением» — известные на Руси повествования о ветхозаветных событиях не проводили связи между потомками Измаила и мадианитянами. Так, «Хроника» Георгия Амартола вообще не упоминает купцов, доставивших Иосифа в Египет, а противников Гедеона именуется «мадиам»³¹.

²⁵ ГИМ. Син. 325. Псалтирь с шестодневом и избр. службами, XIV в. Л. 240–240 об.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 233–234.

²⁷ См., например: *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. 1. С. 90.

²⁸ РГБ. Ф. 304.1. № 1. Пятикнижие Моисеево, XIV в. Л. 41; *Михайлов А. В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1908. Вып. 4. С. 318–319. См. также: [Библейская энциклопедия, с. 288; *Щедровицкий*, с. 258].

²⁹ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследования и тексты. М., 1897. С. 87.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

³¹ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. С. 94, 114.

Толковая Палея называет торговцев, увезших Иосифа, исключительно измаильтянами, а побежденные Гедеоном племена — мадианитянами и амаликитянами, не упоминая измаильтян³². Впрочем, любая чрезмерная осмотрительность, помимо прочего, обнажает и отсутствие сильного желания двигаться в определенном направлении.

Очевидно, что при такой бедности библейского образа измаильтян Писание было хотя и необходимым, но недостаточным источником для формирования разбираемого представления о половцах как потомках Измаила. Для его зарождения были нужны и какие-то внешние — внебиблейские — импульсы.

Скорее всего, существенным для усвоения за половцами измаильтянского родословия должно было стать их соотнесение с теми народами, в которых традиция, распространенная и на Востоке, и в Европе, видела потомков Измаила. Речь идет об арабах, а также некоторых других мусульманских народах Азии, включая турок-сельджуков [Литаврин, с. 215; Луцицкая, с. 58–59; Пиков, с. 55–58]. Посредством литературы и живых контактов с соседями древнерусские книжники были, без сомнения, знакомы с этим взглядом³³ на «языки», которые в разное время являлись противниками Византии и других христианских стран южной Европы и Кавказа, а также крестоносцев, то есть, по сути, противниками большей части христианского мира. Осведомленность летописцев в вопросе о современных «измаильтянах» проявилась в вышедших из-под их пера текстах. В ПВЛ под 6374 и 6573 г. имеются заимствования из «Хроники» Георгия Амартола о походе императора Михаила III «на огаряны» и о нападении «срацин» на Палестину (в обоих случаях речь идет об арабах)³⁴; в ИЛ, повествующей под 6695 и 6698 г. о захвате Иерусалима арабами и о III Крестовом походе, арабы также именуется «срацинами» и «агарянами»³⁵.

Но тут возникает вопрос: каким образом представление о происхождении кочевников Передней Азии могло быть перенесено на кочевников Северного Причерноморья? Это тем более интересно, что первые были мусульманами (вследствие чего понятие «сарацины» и родственные ему давно уже использовались и как конфессионимы — для обозначения мусульман вообще³⁶), а вторые оставались язычниками.

Думается, на возможный механизм такого переноса косвенно указывает статья ПВЛ 6604 г., сообщающая о четырех родственных — через праотца Измаила — народах: «торгъменах» («торкменах»), печенегах, торках и половцах³⁷. Если справедлива точка зрения, что под «торгъменами» летописец подразумевает здесь турок-сельджуков [Чекин, с. 696; Шляпкин, с. 12–13], которых византийцы уже начинали относить к числу измаилитов [Литаврин, с. 215;

³² Палея Толковая [по Коломенскому списку 1406 г.]. М., 2002. С. 225–228, 442–447.

³³ См., например, в «Хронике» Георгия Амартола: *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. С. 19–25, 29, 73, 89–90 (об идентичности понятий «измаильтяне», «агаряне» и «срацини»), 369, 449, 453, 458, 464–465, 483, 486–487, 501, 520, 534–538. «Срацинами» (чье тождество с измаильтянами доказывается в ПВЛ под 6604 г.) называет арабов в своем «Хоженъи» игумен Даниил (БЛДР. Т. 4. С. 34, 44, 58, 70, 78, 84, 90).

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21, 165. См. также: [Шахматов 1940, с. 48, 59–60].

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 655–656, 667.

³⁶ Из текстов, доступных древнерусскому книжнику, можно указать, к примеру, на Толковую Палею, где «агарянами» названы мусульмане (приверженцы «вѣры Бохмичъ») без уточнения этнической принадлежности (Палея Толковая. С. 182). В «Хронике» Георгия Амартола мусульманство определено как вера «срацинъ» (*Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. С. 29).

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 232; Т. 2. Стб. 224.

Моравcsik, s. 55]³⁸, то распространение этого подхода и на близкие «тортьменам» по языку и образу жизни кочевые племена соседей Руси [Голубовский, с. 56–64] могло показаться в Киеве вполне естественным [Чекин, с. 696–697]. Тем более что наступление турок на Византию и половцев на Русь началось практически синхронно (в середине XI в.), что само по себе должно было породить закономерный вопрос о некоей связи между этими кочевыми народами. Трудно представить, что после оглушительной победы сельджуков над византийцами при Манцикерте в 1071 г., увенчавшейся пленением императора Романа IV Диогена, до русских книжников не дошли вести о борьбе империи с новым врагом, а вместе с ними — и формирующееся среди греков мнение о происхождении турок от незаконнорожденного сына Авраама. И поскольку проблема сельджуков была прежде всего византийской проблемой, мало затрагивавшей Русь, то в самом появлении под 6604 г. перечня измаилитских колен, включающего «тортьменов», допустимо видеть некий «греческий след». Добавим к этому, что и печенеги с торками в последние десятилетия XI в. доставляли массу хлопот уже не столько киевским князьям, сколько константинопольским василевсам [Василевский, с. 1–117].

Причисление половцев к измаилитской семье позволяло разглядеть в них не только генетические, но и исторические признаки этой семьи, в частности враждебность христианам и склонность к покушениям на их святыни (включая «святой град»³⁹ Иерусалим). Именно этим, в глазах русских книжников, отличались и половцы. В свете подобного подхода арабы, сельджуки, печенеги, торки и половцы оказывались звеньями одной зловещей цепи, стесняющей христиан. В отождествлении половцев с измаилтянами мог, таким образом, звучать своего рода призыв к общехристианской солидарности в борьбе с этим народом, угрожавшим не только Руси, но и другим странам, включая Византию [Князький, с. 91–106]. Не исключено, что отзвук этого настроения запечатлел ПВЛ, в вводной части которой кровавый и нечистый «закон» половцев нарочито противопоставляется единому «закону» «х(р)ес(ть)ян елико земель» — разных стран⁴⁰.

Нет сомнения, что осмысление половцев, усиливавших в 90-е годы XI в. свой натиск на Русь, как новых измаилтян было связано и с эсхатологическими пророчествами, изображающими потомков Измаила в числе тех народов, ужасающее появление которых будет знаменовать приближение последних времен⁴¹. Об этом говорит уже не раз упоминавшаяся статья ПВЛ 6604 г., в которой отразились тревожные размышления летописца над апокрифическим «Откровением» Псевдо-Мефодия Патарского [Карпов 2002, с. 3–13; Чекин, с. 695–698]. В «тортьменах», печенегах, торках и половцах летописец узнает «измаилтян» из «Откровения». По его мнению, это те четыре из восьми упомянутых Псевдо-Мефодием «измаилтянских» племен, которые после поражения от Гедеона якобы бежали в «пустыню Етревскую» и должны будут явиться, когда дни мира пойдут к своему завершению⁴². Впрочем, и после их явления конец света наступит далеко не сразу. С нашествием «измаилтян», согласно апокрифу, будет связана лишь начальная, неясная по продолжительности фаза финальной мировой драмы [Гарькавий]. Вслед за пустынными коленами из полуночных стран должны «изйти» другие

³⁸ К примеру, «агарянами» («Αγαρηνοί») сельджуков называет в начале XII в. Продолжатель Скилицы (*Τσολάκης Ε. Θ. Η συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Γεωργίου Σκυλίτση. Θεσσαλονίκη, 1968. Σ. 157*). По наблюдениям А. Байхаммера, религиозное отторжение турок стало особенно заметно у византийских авторов с 30-х годов XII в. [Weihammer, p. 23]. У Анны Комнины, описавшей в середине XII в. борьбу своего отца императора Алексея I (1081–1118 г.) с сельджуками, встречаем уже регулярное наименование последних «агарянами» и «исмаилитами» (*Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 96, 122, 274, 300, 305, 393*).

³⁹ БДР. Т. 4. С. 26.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16.

⁴¹ Подобный взгляд на измаилтян возник не только на христианском Востоке, но и на христианском Западе — под влиянием успешного наступления арабов [Лучицкая, с. 122–123, 138–139; Пиков, с. 59–61].

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234; Т. 2. Стб. 224.

дикие племена — «неч(и)стыя ч(е)л(о)в(е)кы», некогда «заклепении» в горах Александром Македонским (в других источниках они известны как гог и магог)⁴³. Дошедшие до Киева (через новгородца Гюряту Роговича) рассказы далекой югры о ее северных соседях, которые «сѣкут гору, хотяще высѣчися», уже просекли «оконце мало» и через него просят продать им оружие, убеждают одного из летописцев в том, что они и есть те самые «человеки нечистыя», начавшие расчищать себе путь к свободе⁴⁴. Трудно сказать, насколько широко в 90-е годы XI в. распространились на Руси эсхатологические настроения [Гиппиус 2002, с. 105–106; Карпов 2002; Girpius 2003, с. 163–164], но точка зрения автора (или, скорее, авторов⁴⁵) статьи вполне ясна: «механизм конца света» уже запущен, и на появление половцев следует смотреть как на лишнее тому доказательство.

Однако тут следует подчеркнуть, что летописцы последующего времени более не касались вопроса о роли половцев в грядущем крушении мира. Даже если определенный эсхатологический мотив в восприятии этого кочевого народа и сохранялся (что кажется вполне допустимым), то он явно не был единственным и даже определяющим. Частые контакты, а зачастую и близкие отношения (вплоть до семейных) русских князей и их окружения с обитателями Степи в предмонгольское время должны были существенно ослабить то острое и эмоциональное «прочтение» половцев, которое было порождено их масштабными набегами на Русь в 90-е годы XI в. и отразилось в упомянутой статье ПВЛ.

Рассмотрение летописной линии «измаильтянского» происхождения половцев показывает, что собственно библейский архетип сыграл в ее развитии не столько прямую (он для этого был слишком беден), сколько опосредованную роль.

Описывая русско-половецкие столкновения, летописцы нередко прибегали и к другим цитатам и параллелям из Библии. Какие цели преследовали эти апелляции к Писанию и уподоблялась ли борьба с половцами (или ее отдельные эпизоды) какому-то конкретному отрезку (или отрезкам) ветхозаветной истории?

Обратимся к наиболее заметным параллелям и начнем с ПВЛ.

Под 6601 г. памятник описывает череду поражений русских князей от половцев. Летописец снабжает рассказ развернутым комментарием, изобилующим библейскими цитатами и реминисценциями, главная мысль которого в том, что все произошедшее явилось наказанием за грехи, наказанием справедливым, обнажающим заботу Бога о спасении возлюбленного им народа. Наиболее крупные библейские заимствования призваны обосновать эту мысль. Три библейских фрагмента в статье восходят к Паремейнику [Шахматов 1940, с. 39]. Из 26-й главы Книги Левит, где Господь грозит своему народу разными карами за непослушание, но обещает вернуть Свою милость в случае исправления, летописец, несколько перефразируя исходный текст, выбирает те стихи, которые говорят об иноплеменниках как орудии Божьего гнева: «Якож(е) пр(о)р(о)къ гл(агола)ше: “Падете пред врагы вашими, поженуть вы ненавидащии вас, и побѣгнете, никому женуцю вас, скрушу руганье гордыни вашей, и будеть в тцету крѣпость ваша, оубьеть вы приходя[и мечь, и] будет земля ваша пуста, и двори ваши пусты будут. Яко вы худи есте и лукави, и Азъ поиду к вамъ яростью лукавою”»⁴⁶ (ср.: Лев 26: 17, 19–20, 28, 33).

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234. О происхождении и значении этого образа см.: [Карпов 1999].

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234–236.

⁴⁵ По мнению А. А. Шахматова, недавно поддержанному А. А. Гиппиусом, рассказ о северных «заклепанных человеках» в статье 6604 г. является добавлением, сделанным задним числом создателем той редакции ПВЛ, которая отразилась в Ипатьевской летописи [Гиппиус 2007, с. 33–36, 40–42; Шахматов 1940, с. 103; Шахматов 2001, с. 582–584].

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222–223; Т. 2. С. 231–214. Кроме того, фрагмент этого же текста выше вплетен в летописное повествование: «И побегоша наши перед иноплемьньники и падаху язвени пред врагы нашими» (ср.: Лев 26: 17). Возможно, 26-я глава книги Левит оказала влияние и еще на некоторые места разбираемой статьи.

Из молитвы еврейского отрока Азарии в «печи огненной», который признает предание иудеев в руки вавилонян справедливым судом Божиим, летописец заимствует (в своей вольной передаче) одну фразу: «подобаше нам “преданымъ быти в руки языку странну и безаконнѣишу всеа земля”»⁴⁷ (Дан 3: 32). Наконец, из Книги Иова цитируются слова главного героя, который, получив известие о гибели детей и имущества, не ропщет, а всецело полагается на волю Господа: «Рцем и со Иовомъ: “Яко Г(о)с(поде)ви любо быс(ть), тако и быс(ть). Буди имя Г(о)с(под)не бл(аго)с(ло)в(ен)но в вѣкы!»⁴⁸ (Иов 1: 21). Если оставить в стороне цитату из Книги пророка Амоса (Ам 8: 10), призванную объяснить совпадение военных неудач с церковными праздниками, то остальные (не восходящие к Паремейнику) библейские заимствования в рассматриваемой статье продолжают иллюстрировать ту же мысль о справедливости наказания и необходимости должного к нему отношения: «Праведенъ еси, Г(о)с(под)и, и прави суди Твои» (Пс 118: 137); «Мы достойная, яже сдѣхомъ, прияхомъ» (Лк 23: 41); «Не по безаконью нашему створи нам и по грехомъ нашимъ въздасть намъ» (Пс 102: 10)⁴⁹.

И подборка библейских заимствований, и статья в целом показывают, как важна была для летописца идея богоизбранности его народа, принимающего от своего Бога заслуженные кары. Однако за дидактической мозаикой сколько-нибудь выраженных соотношений с конкретными эпизодами ветхозаветной истории в статье не просматривается. Возможно, что-то подобное можно увидеть лишь в цитировании Книги пророка Даниила, рассказывающей о вавилонском пленении иудеев. Для образованного читателя это заимствование (никак, впрочем, не маркированное в тексте) могло провести параллель между половцами и вавилонянами. Однако летописец не продолжает эту линию соотношения, да и само сравнение половецкого налета (пусть и весьма удачного) с порабощением целого народа выглядело бы слишком искусственным.

Другое известие ПВЛ об удачных действиях половцев (под 6604 г.) еще беднее библейскими заимствованиями. В нем цитируются два псалма, которые содержат обличения иноплеменных врагов Израиля, покушающихся на народ Божий и хулящих самого Бога, и призывают Господа к отмщению. Это псалом 78-й, из которого заимствованы малые, но узнаваемые частички текста (половцы «гл(агола)ху: “Кде есть Б(ог)ъ ихъ?..” и «оскверниша, и пожгоша с(вя)тыи дом Твои... и трупье рабъ Твоихъ» — ср.: Пс 78: 1–2, 10), а также упоминавшийся выше 82-й псалом, из которого со ссылкой на царя Давида летописец взял следующие слова: «последующе пророку Давыду, вопьем: “Г(оспод)и, Б(ож)е мои! Положи я яко коло, яко огонь пред лицемъ вѣтру, иже попаляеть дубравы, тако поженеши я бурюю Твоею, исполни лица ихъ дасаженья!”» (Пс 82: 14–16)⁵⁰. Выбор псалмов и удачен, и красноречив. В глазах знающего Псалтирь человека русские вновь оказываются соотношены с избранным народом Ветхого Завета, половцы — с языческими племенами ветхозаветных варваров (включая «измаильтян» из 82-го псалма), а поруганные святыни Киево-Печерского монастыря, о разграблении которого говорится в статье, — с оскверненными святынями иерусалимского храма. Однако соотношение с библейскими образами и здесь имеет весьма обобщенный характер.

Как обстоят дела в сообщениях ПВЛ о победах над половцами?

Под 6604 г. в известии о разгроме князьями Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом хана Тугоркана летописец использует оборот, восходящий, видимо, к библейскому рассказу о подвигах Елеазара, воеводы Давида, победителя филистимлян: «сдея Г(о)с(под)ъ въ

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223. Парафраз того же стиха встречается и в 17-м слове Киево-Печерского патерика, где он вложен в уста попавшему в плен к половцам черноризцу Никону: «...мя предашь в руцѣ безаконнымъ симъ и лукавнѣишу паче всеа земля» (БЛДР. Т. 4. С. 368).

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223.

⁴⁹ Там же. Стб. 223–224.

⁵⁰ Там же. Стб. 233–234.

ть д(е)нь сп(а)с(е)нье велико» (2 Цар 23: 10)⁵¹. При этом не ясно, прямо ли из Библии попало в летопись это расхожее выражение (затем явно существовавшее как клише⁵²), и если да, то была ли для пишущего значима отсылка к исходному контексту⁵³? Елеазар побеждает в ходе долгой и тяжелой битвы, князьям же победа достается относительно легко — половцы в самом начале «побегоша, а наши погнаша въслѣдъ ратных, секуще противьныя». Аналогия тут не возникает. Такая же нечеткая ситуация и в известии о походе русских князей против половцев под 6611 г., где описание страха и последующего бегства половцев, возможно, сблизено с описанием страха и бегства филистимлян от войск Саула (1 Цар 14: 15, 20, 22–23)⁵⁴. Ниже в уста князю Владимиру Мономаху, решающему судьбу плененного хана Белдюзя, вложена распространенная в Ветхом Завете формула возмездия за убийство: «буди кровь твоя на главѣ твоей» (ср.: 2 Цар 1: 16; 3 Цар 2: 32, 37), еще ниже князь произносит речь, в которую вплетены выражения двух псалмов — 117-го, посвященного победе над окружающими народами («Съ д(е)нь, иже створи Г(о)с(под)ь, възрадуемъ и възвеселимъ во нь!» — Пс 117: 24), и 73-го, процитированного по смыслу не точно и, очевидно, по памяти («скруши главы змиевыя и даль еси сих брашно людем» — ср.: Пс 73: 13–14)⁵⁵. В читающемся под 6618 г. рассуждении об ангелах один из летописцев помимо других своих источников (среди которых были Елифаній Кипрский, Иосиппон и др.) цитирует 23-ю главу Книги Исход, где Бог обещает послать возвращающимся из египетского плена евреям ангела, который поможет им истребить вражеские народы: «умилосердися Богъ и посла ангелы в помощь русьскимъ княземъ на поганья, якоже рече к Моисееви: “се анг(е)ль Мои прѣдыпойдетъ предъ лицемъ твоимъ”»⁵⁶ (Исх 23: 20). Косвенное сравнение русских князей с Моисеем, ведущим свой народ от рабства к грядущим победам и благоденствию, не должно было, без сомнения, пройти мимо внимания вдумчивого читателя, однако дальнейшего развития в статье оно не находит. Здесь (как и в других местах) летописцам гораздо важнее подчеркнуть, что помощь на поле брани русские получили от Самого Всевышнего.

Как видим, обращение авторов ПВЛ к Писанию в связи с событиями русско-половецкого противостояния носит не «сравнительно-исторический», а своего рода «методологический» характер. Летописцев не увлекает поиск конкретных ситуаций ветхозаветного прошлого, сходных с коллизиями борьбы Руси и Степи. Но при этом им представляется очень важным выявление неких общих подходов и образов действия Господа в отношении избранного народа, с которым последовательно соотносятся русские.

Если судить по ЛЛ, ИЛ и НЛ, не меняется картина и в следующем столетии, разве что становится менее яркой. В ЛЛ под 6685 г., рассказывая об участии половцев в набеге на окрестности Владимира, летописец использует призывающий к отпущению фрагмент 82-го псалма из статьи ПВЛ 6604 г. (см. выше) и дополняет его созвучным восклицанием апостола Иакова: «суд бо безъ м(и)л(о)сти не створшему м(и)л(о)сти» (Иак 2: 13)⁵⁷. В ИЛ под 6686 г. книжник, не скупящийся на негативные эпитеты в адрес напавших на Переяславль половцев

⁵¹ Там же. Стб. 231.

⁵² См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279, 396; Т. 2. Стб. 636.

⁵³ Об этой проблеме см., например: [Ранчин, Лаушкин, с. 126–127].

⁵⁴ Ср.: «И Б(ог)ъ великыи вложи оужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепеть от лица русских вой, и дрѣмаху сами, и конем ихъ не бѣ спѣха в ногах. Наши же с весельем на конѣх и пѣши поидоша к ним. Половци же, видѣвше оустремленье руское на ся, не доступивш[е], побѣгоша пред русскими полки. Наши же погнаша, секуш[е] я. Дни 4 априля м(е)с(я)ца велико сп(а)с(е)нье Б(ог)ъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278–279); «И бысть оужасть в полцехъ иноплеменикъ... и вои... оужаснушася... бысть имъ оужасть от Г(оспод)а... И изыде Сауулъ и вси людие с нимъ, и изыдоша до сѣчища... отбегоша иноплеменицы... и погнаша вслѣд ихъ. И тако сп(а)се Г(оспод)ь въ той д(е)нь и (зра)ильт(ян)ы...» (Библиа, сиречь Книгы Ветхаго и Новаго Завѣта по языку словенску [репринт изд. 1581 г.]. М.; Л., 1988. Л. 129 об.).

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 264.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 385.

хана Кончака, замечает, что они «множаишия... избиша младенѣць»⁵⁸. При желании тут можно услышать намек на сходство Кончака с иудейским царем Иродом Великим — первым гонителем Христа, приказавшим в год Его рождения умертвить всех вифлеемских младенцев (Мф 2: 16). ЛЛ под 6693 г. при описании итогов победоносного похода на половцев использует фрагменты статьи 6611 г. ПВЛ, в том числе упоминавшуюся выше «речь» князя Владимира Мономаха (которую здесь произносит его правнук Владимир Глебович) с цитатами из Псалтири. В рассказе той же летописи о знаменитом походе князя Игоря Святославича на половцев (под 6694 г.) встречаем ряд библейских цитат (см.: Притч 21: 30; Ис 26: 16; Пс 33: 16), цель которых показать, что все случившееся явилось следствием Божьей воли. Кроме того, удачное бегство Игоря из плена уподоблено чудесному спасению Давида от рук Саула⁵⁹. Не исключено, что косвенное сравнение половцев с отвергнутым Богом Саулом, если следовать библейскому рассказу, должно было оттенить нечестие кочевников и намекнуть на их конечную погибель — как известно, Саул бросился на собственный меч и был добит иноплеменником (1 Цар 31: 4–5; 2 Цар 1: 6–10). Под 6711 г. ЛЛ в связи с описанием разгрома Киева княжеской коалицией и половцами цитирует 78-й псалом, причем более широко, чем в ПВЛ под 6604 г.: «Б(о)же! Приидоша языци в достояние Твое и оскверниша ц(е)рк(о)вь с(вя)ту[ю] Твою, положиша Иярусалима, яко овощное хранилище, положиша троупие рабѣ Твоих брашно птицам н(е)б(е)сным, плоть препод(о)бных Твоих — звѣремъ земным, пролияша кровь ихъ, аки воду»⁶⁰ (Пс 78: 1–3). Киев тут красноречиво соотнесен с Иерусалимом, и это соотнесение продолжает давно уже намеченную в летописании тему.

Таким образом, констатируя значимость библейских параллелей для авторов известий о русско-половецких конфликтах, приходится признать, что в летописании (и вообще древнерусской литературе) домонгольской эпохи так и не возникло устойчивого соотнесения этой борьбы с каким-либо эпизодом (или эпизодами) ветхозаветной истории, а усвоение за половцами «измаилтянской генеалогии» хотя и имело библейский корень, но произошло под определяющим влиянием внебиблейских образов и идей.

Этот вывод кажется особенно важным в свете того, что в первые десятилетия после нашествия Батыея сформируется иная картина. У летописцев, агиографов и проповедников, которые в середине XIII — начале XIV в. будут затрагивать тему монгольского владычества над Русью, проявится преимущественный интерес к совершенно определенной эпохе в истории ветхозаветного Израиля — эпохе вавилонского плена [Лаушкин 1999, с. 18–25; 2001; 2002].

Литература

- Библейская энциклопедия. М., 1991. Т. 1.
Василевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. 1.
Ведюшкина И. В. Этногенеалогии в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 52–60.
Гарькавий И. В. «Измаилтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 87–89.
Гиппиус А. А. 6700 год от Сотворения мира: Отмечались ли юбилеи в Древней Руси // Родина. 2002. № 11–12. С. 102–106.
Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.
Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 613.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 398–400.

⁶⁰ Там же. Стб. 418.

- Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. К., 1884.
- Дмитриев М. В. Представления о «русском» в культуре Московской Руси XVI века // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X—XVIII столетия): Межд. конф., посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Москва, 30 ноября — 2 декабря 2005 г. М., 2005. С. 182—187.
- Карпов А. Ю. Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4. С. 7—26.
- Карпов А. Ю. «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 3—24.
- Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 3—15.
- Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.
- Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 6. С. 3—25.
- Лаушкин А. В. Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 24—31.
- Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 211—223.
- Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 198—217.
- Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т. 2.
- Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
- Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
- Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 10—410.
- Пиков Г. Г. Библия и представления европейцев VIII—XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995. С. 52—63.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996.
- Ранчин А. М. Что такое «повестные книги»: об одном наблюдении В. Я. Петрухина // Русское средневековье. 2000—2001 годы. М., 2002. С. 96—97.
- Ранчин А. М., Лаушкин А. В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // ВИ. 2002. № 1. С. 125—137.
- Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.
- Творогов О. В. Кирилл // СККДР. Л., 1987. Вып. I: (XI — первая половина XIV в.). С. 217—221.
- Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.
- Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 691—716.
- Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9—150.
- Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Шляпкин И. А. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881.
- Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2001.
- Beihammer A. Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries) // Al-Masāq. Vol. 23. № 1. April 2011. P. 15—36.
- Gippius A. Millennialism and Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // Ruthenica. K., 2003. T. 2. С. 154—171.
- Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. T. 2.